

СУБЪЕКТЫ ВЛАСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА НАЦИОНАЛЬНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ: КТО РЕШАЕТ?

В.А. Ачкасов

(val-achkasov@yandex.ru)

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Ачкасов В.А. Реализация права на национальное самоопределение: кто решает? // Власть и элиты. 2023. Т. 10, № 2. С. 5–23.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.1>
EDN AAZYSM

Аннотация. *Анализируются проблемы, связанные с практической реализацией права национальных меньшинств на политическое самоопределение: кто определяет, какие общности имеют право на самоопределение; каков механизм принятия решения о политическом самоопределении; какую роль в процессах самоопределения играют этнические элиты — «этнические антрепренеры»; каковы способы разрешения противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств; какую роль играют внешние политические акторы в признании/непризнании результатов национального самоопределения и др. Автор приходит к выводу, что конфликты на почве политического самоопределения, как правило, приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах мира, подрывают стремление к демократии, а политические институты самоопределения и даже автономии могут препятствовать движению к ней. Поэтому речь должна идти прежде всего о выборе форм и пределов реализации права на самоопределение. Однако в любом случае национальные меньшинства должны получить гарантии того, что закон будет к ним беспристрастен, а их интересы в таких сферах, как сохранение языка, определение содержания школьных*

программ, распределение ресурсов, возможность получения работы и т.д., будут реализованы.

Ключевые слова: право на национальное самоопределение, референдум, этнические элиты, территориальная целостность государства, «правозащитная сецессия».

Казалось бы, если исходить из «великой фикции суверенитета народа», на которой строится все грандиозное здание конституционализма, то ответ на вопрос «Кто решает?» очевиден — это народ-суверен. В свою очередь, оптимальный способ выявления «воли народа-суверена» — это общенародный референдум. Именно такую форму решения вопроса национального самоопределения умозрительно считал наилучшей даже вождь мирового пролетариата, указывая как на образец для подражания на референдум в Норвегии 1905 г., в результате которого Норвегия отделилась от Шведского королевства и образовала суверенное государство. Правда, все территориальные «национальные» автономии (республики, области, и округа) в Советской России создавались сверху, директивным путем, но не в результате актов самоопределения, т.е. референдумов (исключение из правила — референдумы в Карельской трудовой коммуне — в 1920 г. и в Нагорном Карабахе — в 1923 г.).

Однако следует отметить двоякую политическую природу референдумов. С одной стороны, референдум призван наиболее полно выявить «волю народа», референдум — это форма «прямой демократии», когда значимое политическое решение принимает народ непосредственно, предполагается, что основным мотивом голосующего на референдуме оказывается озабоченность насущными общественными проблемами, и по этой причине референдумы дают относительно «чистый» показатель гражданской вовлеченности. С другой стороны, по словам Э. Кедури, «ничего непонятно о плебисците (как средстве выявления «воли народа». — В.А.), кроме того, что в один прекрасный день определенная группа населения, поддавшись противоречивой пропаганде, давлению, побуждению, голосует так, а не иначе. Если результат раз и навсегда принимается, то он столь же произволен, как и любой другой, достигнутый с помощью силы или сделки. Плебисцит не надежнее, не справедливее и еще более уязвим, чем прежние методы определения границ, основанные на соотношении сил и компромиссе взаимных интересов» [Кедури 2010: 115].

Еще 70 лет назад Айвор Дженнингс писал, критикуя доктрину самоопределения: «На первый взгляд она кажется разумной: пусть народ

решает. На самом деле она смешна, потому что народ не может решать, пока кто-то не решит, кто является народом» [Jennings 1956: 56]. В связи с этим следует подчеркнуть, что право на самоопределение, включая право на сецессию, на практике отдается нациям в культурно-этническом понимании и отождествляется с правом на отдельную государственность и национальную территорию. Именно так толкуется этот вопрос российскими правоведами. Неслучайно В.А. Тишков как-то заметил, что российские юристы даже принципы международного права интерпретируют с позиций этнического национализма. «Однако право на самоопределение относится лишь к группе людей, а не к территории. Сецессия, напротив, относится именно к территории... Приведение же государственных границ в соответствие с этническими заведомо неосуществимо. К тому же сами границы между этнокультурными и тем более этнонациональными группами являются предметом неразрешимых разногласий, к которым добавляются столь же неразрешимые споры об исторических правах на территорию» [Нарочницкая 2015: 48–49]. Суть проблемы достижения соглашения между противоборствующими силами по вопросу реализации права на самоопределение, по мнению К. Оффе, можно представить в виде следующего парадокса: «Для того чтобы сгладить и в конечном итоге преодолеть разобщенность... в обществе, требуется определенная доля единства по вопросам норм, правил и средств. Но учитывая степень разобщенности, подобное единство относительно средств и процедур вряд ли может появиться. Особенно трудноразрешимой проблема становится тогда, когда речь идет о политических правах этнических групп. В этом случае вопрос формулируется следующим образом: “Кто вправе определять состав тех, кто имеет право участвовать в принятии коллективных решений?” Если “единство” народа, в т.ч. права меньшинств, — конституционное сооружение, кто тогда его архитектор?» [Оффе 1996]. Кроме того, в подавляющем большинстве случаев этнические группы, занимают одну и ту же территорию. При этом каждая из них рассматривает эту территорию как «свою отчизну», конструирует полярные нарративы относительно своей «исконности», что провоцирует еще более острые конфликты. И хотя выбор стратегии идентификации теоретически является индивидуальным, в условиях острого конфликта этот выбор, как правило, навязывается индивидам представителями элит — этническими предпринимателями поскольку этничность обеспечивает тот набор символов и ценностей, опираясь на которые мож-

но эффективно осуществлять мобилизацию сторонников. Всегда следует помнить, «что всякое “Я” связано с “Мы”, дающим основы для индивидуальной идентичности» [Ассман 2014: 17], а идентичности зачастую создаются путем внешней категоризации, аскрипции и дискриминации, которые выходят за рамки индивидуального выбора.

Поэтому исследователи, опирающиеся на анализ новейшего опыта самоопределения национальных меньшинств, констатируют: «Территориальные решения могут не работать в условиях сложной этнической неоднородности, особенно когда этнические группы, стремящиеся к территориальному самоуправлению, составляют на своей территории меньшинство» [Bhattacharyya, Mukherjee 2018: 471]. Однако и в тех случаях, когда в новом государстве есть явно доминирующая этническая группа, возникает другая проблема — как защитить от нее меньшинства, которые могут подвергаться дискриминации. Возникает вопрос «Могут ли они политически самоопределяться?» Кроме того, дискриминация представителей этих новых меньшинств может спровоцировать политические или экономические ответные действия их соплеменников, живущих за пределами самоопределившегося региона. Неслучайно Д. Горовиц пришел к заключению о том, что «национальное самоопределение — это проблема, а не ее решение... Есть много доводов против упора на национальное самоопределение и за принятие концепции взаимного компромисса» [Horowitz 1985].

Действительно, хотя право народов на самоопределение является принципом международного права и закреплено документами ООН, однако кто способен решать: что есть народ? (см.: [Ачкасов 2020: 64–76]). И какие народы имеют право быть субъектами самоопределения? Международные правовые акты не дают ответа на эти вопросы, а принципы международного права зачастую противоречат друг другу (самоопределение vs территориальная целостность, невмешательство во внутренние дела vs ненасилие и соблюдение международных соглашений и др.).

Как пишет академик Т.Я. Хабриева, «на данный момент не существует конкретных, до конца оформленных международном правом четких критериев, на основании которых новое государство может быть признано или не признано мировым сообществом, а имеющаяся система де-факто не может гарантировать ни национальной целостности государств, ни права наций на самоопределение» [Хабриева 2010: 137]¹.

¹ Политические деятели и эксперты неоднократно предлагали установить, в каких случаях создание новых государств может быть одобрено международным сообществом.

В результате защита прав национальных меньшинств на самоопределение стала не только важной отраслью международного права, но и весьма опасным инструментом, применяющимся одной или группой ведущих стран мира для вмешательства в дела других; она зачастую служит основанием для права на гуманитарную интервенцию, которое развилось в последние полвека. В свою очередь, предвкусение вмешательства наднациональных организаций может скорее стимулировать этнический сепаратизм, нежели преодолеть его последствия (Босния и Герцеговина (БиГ), Косово). Более того, боснийский опыт показывает, что для интернационализации конфликта этнические предприниматели могут организовывать провокации. Так, во время осады сербскими войсками города Сараево в 1992 г. была расстреляна очередь за хлебом. Президент мусульманского анклава Боснии Алия Изетбегович обвинил в расстреле мирной очереди сербскую армию. Позже комиссия ООН выяснила, что расстрел очереди был организован самими мусульманами, для того чтобы спровоцировать вмешательство западных государств в сербо-мусульманский конфликт. Но уже ничто не могло остановить военное вмешательство Запада, было уже поздно [Лимонов 2014: 9].

«Право на национальное самоопределение преподносится как право первого порядка, принцип, на который мы можем положиться, чтобы установить минимально приемлемые критерии для легитимного деления мира на разные политические сообщества, — пишет Б. Як. — В действительности оно всего лишь дает благословение множеству конкурирующих аргументов о правах второго порядка, правах, происходящих из притязаний, касающихся родных земель, давнего проживания, несправедливой оккупации, нечестного обращения и так далее» [Як 2017: 398].

Поэтому, как считают некоторые исследователи, конфликты на почве политического самоопределения приводят к дестабилизации обстановки во многих регионах мира, подрывают демократию, а политические институты самоопределения и даже автономия могут затруднять движение к ней.

Так, Р. Хаас предлагал рассматривать требования о создании и признании новых государств в случае, когда выполняются следующие обязательные условия: данное требование поддерживается населением, существуют исторические обоснования и неоспоримые аргументы в пользу появления нового государства, и новое государственное образование жизнеспособно [Haas 2011]. Однако прийти к общему согласию по этой проблеме пока так и не удалось.

Нередко сохранение территориальной целостности и право национальных меньшинств на самоопределение представляют, как взаимосоключающие принципы. На самом деле они становятся таковыми в случае их абсолютизации. «Право на самоопределение представляет собой право народа определять свой статус в государстве и соответственно в мире, включая вариант сохранения статус-кво, — отмечает Й. Галтунг. — Но независимо от решения, право на автономию на низком или высоком уровне не предусматривает права на аутизм, на то, чтобы полностью игнорировать других, также как право на свободу слова не предусматривает права игнорировать последствия применения этого права. В этом состоит важнейший принцип ответственности» [Galtung 2002: 131].

Более того, в реализации этих прав могут возникать трудноразрешимые противоречия. Так, с одной стороны, Китай имеет право, исходя из принципа территориальной целостности государства, принимать меры для возвращения утраченной части своей территории, которая по факту является непризнанным государством. С другой стороны, Тайвань, исходя из принципа права на самоопределение народов, зафиксированного в Уставе ООН и в других международных правовых актах, может сохранять свою самостоятельность и независимость. Причем в зависимости от международной ситуации чаша весов может перевесить в любую сторону.

Поэтому следует учитывать, что сегодня «проведение этнической политики интернационализировалось. Оно более не является исключительно внутренней заботой государств. Теперь это и управление границами, и определение гражданства, и регулирование миграционных потоков, а также соблюдение международных норм по защите этнических меньшинств» [Ратленд 2011: 186].

В условиях «нового мирового беспорядка» (Р. Брубейкер) противоречия между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств в международном праве создают для крупных геополитических игроков возможность свободного выбора между двумя моделями поведения — либо «легитимные действия», либо «реализация национальных интересов». Возможность свободного выбора формируется силовым потенциалом геополитического игрока и базируется на «праве сильного». Так, известный исследователь конфликтов Р.Дж. Фишер в результате изучения мотивов посредничества

в процессе урегулирования этнополитических конфликтов пришел к выводу, что зачастую посредники участвуют в процессе, чтобы «протолкнуть свои односторонние интересы, не намереваясь идти на компромисс или искать совместное решение, а порой и для того, чтобы оттянуть время для консолидации сил во имя осуществления альтернативных стратегий» [Этнополитический конфликт... 2007: 232]. Таким образом, содержащееся в базовых международных документах противоречие между правом народов на самоопределение и принципом территориальной целостности государств создает возможность и условия для проведения политики «двойных стандартов» ключевыми игроками современных международных отношений. Такого подхода придерживаются США и их союзники по блоку НАТО в оценке различных ситуаций с «де-факто» государствами и территориями со спорным статусом в различных регионах мира. Более того, «даже в тех случаях, когда непосредственная заинтересованность великих держав в разрешении того или иного конфликта крайне мала, для того чтобы вступить в действие, им требуется «изобрести» собственные национальные интересы в зоне конфликта и убедить общественность в важности их вмешательства» [Косово... 1999: 292].

Уже хрестоматийным стал пример признания независимости Косова, получивший в научной литературе название «косовский прецедент», но который, по замыслу США и их европейских союзников, не подлежит «копированию» при разрешении схожих этнополитических конфликтов (т.е. абхазской и южноосетинской проблем, приднестровского конфликта, «крымского вопроса» и пр.).

Тем не менее применимость к непризнанным государствам «косовского сценария» в России начали обсуждать еще до начала «горячей» фазы грузино-югоосетинского конфликта. По мнению российских экспертов, Международный суд ООН, признав 2 июля 2008 г. законным провозглашение независимости Косово от Сербии, создал соответствующий правовой прецедент. Поэтому в различных интервью Президент России Д.А. Медведев легитимировал свое решение об одностороннем признании Абхазии и Южной Осетии аналогией с Косово. При этом аргументу, касающемуся геноцида албанцев-косоваров, он противопоставлял трагические события грузино-югоосетинского конфликта 1991–1992 гг.: «В 1991 году президент Грузии З. Гамсахурдия с призывом “Грузия — для грузин” — только вдумайтесь в эти слова — приказал

штурмовать Сухум и Цхинвал. Тысячи погибших, десятки тысяч беженцев, разоренные села — вот к чему тогда это привело»¹.

В связи с этим следует также отметить, что политическая элита Крыма также ссылалась именно на прецедент признания независимости Косово решением Международного суда ООН и на то, что крайне важный для судьбы Крыма референдум марта 2014 г.² прошел после принятия Декларации о независимости Республики Крым. Следует напомнить и то, что референдум в Косово вообще не проводился, и, как отмечают эксперты, в целом процедура признания была менее демократична, чем крымская.

Как резонно полагают российские правоведы, есть все основания считать решение, принятое Международным судом ООН о том, что «декларация независимости Косово, принятая 17 февраля 2008 г., не нарушает международного права», решением, легитимизирующим и другие правовые документы, относящиеся к схожим случаям (см., например: [Томсинов 2014: 15; Кошкин, Черданцев 2016]). Однако пресловутая политика «двойных стандартов» позволила странам Запада провести в марте 2014 г. через Генеральную ассамблею ООН резолюцию № 68/262 «О территориальной целостности Украины» и обосновать с ее помощью политику санкций, направленную против Республики Крым и Российской Федерации.

Необходимо также отметить, что рассмотрением этой проблемы в связи с присоединением Крыма к России занимались и международные институты, в частности **Европейская комиссия за демократию через право** (Венецианская комиссия) — консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы в 1990 г. В докладе 1999 г. по результатам рассмотрения конституций европейских государств Венецианская комиссия признала необходимым подчинить право наций на самоопределение принципу территориальной целостности государства. Свое решение она подтвердила и при рас-

¹ Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения: 23.09.2023).

² За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77 % населения Крыма (участвовало 83,01 % населения Крыма, имеющего право голосовать) и 95,6 % — Севастополя (участвовало 89,5 % населения Севастополя, имеющего право голосовать). Результаты референдума были утверждены Комиссией по проведению референдума 17 марта 2014 г.

смотрении вопроса о конституционности проведения крымского референдума 2014 г. Венецианская комиссия признала данный референдум неконституционным, так как он противоречил конституции материнского государства — Украины. Представитель России, в свою очередь, попытался опровергнуть обоснованность данного решения, ссылаясь на особый исторический и правовой контекст данных событий, а также отмечая «конституционно-правовую неопределенность» в Украине того периода, вызванную политическим кризисом 2013–2014 гг. По мнению российских представителей, в условиях такой неопределенности законодательство Республики Крым оказывалось первостепенным [Гошуляк 2019].

Подводя некоторый итог, Д. Горовиц утверждает: «Право сецессии <...> приписывается этническим группам и выводится из реинтерпретации принципа самоопределения. Хотя теоретики дискутируют о возможных вариантах права на самоопределение (допуская как сецессию в принципе, так и ее возможность лишь в случае выполнения конкретных условий), все они рассматривают самоопределение в качестве реакции на проблему этнического конфликта и насилия. <...> Сторонники сецессии аргументируют свою позицию необходимостью создать успешные гомогенные государства, но сецессия не создает таких государств. Сецессия не уменьшает степени конфликта, насилия или угнетения меньшинств, несмотря на создание новых государств. Гарантии защиты меньшинства в отделяющихся регионах, как правило, иллюзорны; многие сецессионистские движения действительно имеют в качестве одной из своих целей вытеснение или подчинение меньшинств в отделившихся регионах. Кроме того, право на сецессию как таковое часто ослабляет попытки сосуществования в едином государстве, в т. ч. реализуемые через модели федерализма или региональной автономии, что могло бы снизить неудовлетворенность и недовольство меньшинств, стремящихся к сецессии... <...> Выбор между сецессией или разделением, с одной стороны, и кровопролитным конфликтом — с другой, — миф» [Горовиц 2013: 189, 190].

Именно право на политическое самоопределение осуществили титульные народы/республики бывшей Югославии в процессе ее распада по административным границам, но на территории новых самоопределившихся государств проживало этнически смешанное население. Причем степень этой гетерогенности во многом определила остроту

последовавших межэтнических столкновений¹. Таким образом, новые государства столкнулись с теми же «национальными» проблемами в своих границах, которые еще недавно заставляли их самих искать свободы от федерации. Кроме того, возрождение идеи о жизни всех сербов в одном государстве стало естественным ответом на возобновление трагических событий, которые уже довелось пережить сербам в XX в. Американский исследователь сербского происхождения В. Вуячич замечает: «...хотя Милошевич, безусловно, первым стал призывать их (сербов. — В.А.) к защите национальных интересов, но триумф Хорватского демократического содружества (ХДЗ) Франьо Туджмана на выборах в апреле 1990 г. следует рассматривать как поворотный момент, поскольку он способствовал возрождению травматических эпизодов исторической памяти и придал подлинный резонанс этнической угрозе» [Вуячич 2019: 395]. Конечно, в эскалации этнополитических конфликтов в СФРЮ очень большую роль сыграли этнические антрепренеры: «Туджман, Милошевич, другие ключевые акторы югославской драмы использовали символические процессы в коммуникации с широкими слоями населения для установления устойчивой эмоциональной связи, делая упор на травматическом опыте своей этнической группы, манипулируя историческими, культурными и религиозными символами таким образом, чтобы заставить массы мыслить и действовать в соответствии с их задачами. И на агентивном уровне (Милошевич vs Туджман), и на уровне политической пропаганды ее восприятия и усвоения в массовом сознании, в конце концов, на уровне идентичности начинала работать положительная обратная связь. “Образ другого” стремительно трансформировался в “образ врага”, от которого необходимо защитить свой домашний очаг» [Ефременко 2021: 87].

Сепаратное, без предварительных консультаций даже со своими европейскими союзниками признание 23 декабря 1991 г правительством Г. Коля — Д. Геншера независимости Словении и Хорватии также стало мощнейшим катализатором конфликта, подстегнувшим его вооруженную развязку. Именно это обстоятельство во многом предопреде-

¹ Так, в 88 (не включая Сараево) из приблизительно 100 общин Социалистической Республики Боснии и Герцеговины проживали этнические/национальные меньшинства, составлявшие около 10 и более процентов от общей численности населения, и лишь 11 общин не характеризовались подобным образом (из них только семь отличались однородным или близким к однородному этническому/национальным составом населения) [Русских 2023].

лило ориентацию хорватских лидеров не на диалог и поиск компромисса с Белградом по вопросу самоопределения сербского меньшинства в Хорватии (создания сербской автономии), а на политическую и военно-техническую поддержку Запада. Ответом послужило взятие Югославской народной армией под контроль земель, на которых сербы жили веками, что привело к дальнейшей эскалации межэтнических конфликтов [Куликова, Милованов 1996:102; Гуськова 2016: 78–94].

В конце 1990-х годов как ответ на сформировавшийся политический запрос получили развитие теории избирательного (ограниченного) права на отделение, постулирующие легитимность даже вооруженной сецессии при наличии особых обстоятельств по аналогии с внеконституционным правом на революцию. Среди таких условий разные авторы называют историческую несправедливость, дискриминацию и массовые нарушения базовых прав человека, гражданскую войну или неспособность государства обеспечить элементарный правопорядок, стремление к демократии в условиях недемократического режима, непреодолимое взаимное ожесточение групп («аргумент Чейма Кауфмана») и их «фундаментальную несовместимость» [Нарочницкая 2015: 50]. В частности, обоснование условий реализации принципа политического самоопределения было предложено еще в рамках концепта так называемых правозащитных сецессий (*remedial secession*). Предложивший этот термин юрист-международник Л. Бакхайт рассматривает правозащитную сецессию как последнюю из возможных форм защиты прав группы от угнетения государством [Buchheit 1978: 222]. Его концепция находит свое подкрепление в инверсном толковании¹ «защитительной оговорки» (*the safeguard clause*) в отношении принципа территориальной целостности в Декларации о принципах международного права ООН 1970 г., которая запрещает «санкционирование или поощрение любых действий, ведущих к расчленению или к частичному или полному нарушению территориальной целостности или политического единства суверенных и независимых государств, соблюдающих в своих действиях принцип равноправия и самоопределения народов и имеющих правительства, представляющие без различия расы, вероисповедания или цвета кожи весь народ, проживающий на данной территории» [Декларация о принципах международного права... 1970]. Инверсное толкование этого

¹ Инверсия (в логике) — отрицание, переворачивание смысла, замена «белого» «черным».

положения позволяет сделать вывод, что государство, не имеющее правительства, равно представляющего весь народ, не обладает и правом ссылаться на принцип территориальной целостности, чтобы ограничить применение права народов на самоопределение. Однако, как уже отмечено, ни один международный правовой институт до настоящего времени не принял документа, предоставляющего в каком-либо случае право на сепессию.

Концепт «правозащитной сепессии» получила признание и развитие также в западном политологическом сообществе. Так, А. Бьюкенен (см.: [Buchanan 1991; Бьюкенен 2001]) следующим образом сформулировал основной аргумент своей концепции «исправляющего права»: «Если государство настойчиво продолжает совершать серьезную несправедливость по отношению к отдельной группе и формирование группой собственной независимой политической единицы выступает последним возможным средством защиты, то международное сообщество должно признать ее право отказаться быть под властью государства и попытаться создать свою собственную независимую политическую единицу... “Принцип защиты от смертельной угрозы” со стороны самого государства является наиболее весомым фактором в защиту права наций на одностороннюю сепессию [Buchanan 2004: 335].

Западные и российские приверженцы концепции «правозащитной сепессии» считают, что причиной югославского кризиса стал великодержавный экспансионизм сербской политической элиты, которая хотела силой отделить территории Хорватии и Боснии с сербским населением и присоединить их к Сербии (а позже изгнать албанцев из Косова) [Романенко 2000: 139 и др.]. Однако на деле у сербов изначально отсутствовали мотивы для проведения такой политики. Именно сербское и черногорское руководство однозначно выступало за сохранение единой Югославии, в этой ситуации проведение великосербской политики выглядело совершенно нелогичным. Если бы целью Белграда было образование сербского национального государства, то Сербия должна была первой потребовать роспуска федерации и первой же выйти из ее состава. Кроме того, исходя из распространенного мнения, что к 1991 г. Югославская Народная Армия стала фактически сербской армией, при наличии политической воли лидеров Сербии (если бы она действительно имела место) им было бы легко добиться изменения административных границ в СФРЮ в свою пользу с помощью военной силы, а остальным республикам оставалось бы только принять эту

новую реальность. Однако события развивались по иному руслу и в иной последовательности.

Любопытно, что теперь многие аргументы, предложенные авторами концепции «правозащитной сецессии», используются российской стороной для доказательства законности референдумов о присоединении к РФ ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей, но без ссылки на первоисточник. И напротив, об этой системе доказательств права на сецессию «забыли» в странах «коллективного Запада».

В то же время, поскольку тренды развития современной международной системы не исключают возникновения новых государств, вопрос о сецессии и праве на нее остается в центре внимания научного сообщества. Как уже отмечено, оппонентом Бьюкенена выступает Д. Горовиц, который убежден, что сецессия не только не решает проблему конфликта, насилия или угнетения меньшинств, но и может усугубить ее [Горовиц 2013: 189].

Во многом именно поэтому международными документами признано, что право на самоопределения отнюдь не обязательно предполагает доведение его до политического самоопределения, т.е. сецессии и создания нового суверенного государства. Та же Декларация о принципах международного права ООН 1970 г. подчеркивает, что право народов на самоопределение не должно толковаться как санкционирующее или поощряющее любые действия, которые вели бы к расчленению, к частичному или полному нарушению территориальной целостности либо к потере политической независимости суверенных государств, имеющих правительства, представляющие весь народ, принадлежащий данной территории, без различия расы, вероисповедания и т.д. [Действующее международное право... 2007: 71].

Таким образом, принцип самоопределения вслед за А.Я. Йонгманом и А.П. Шмидом можно рассматривать «как право народа выбирать политическую лояльность, чтобы влиять на политическую систему, в рамках которой он живет, и сохранять свою культурную, этническую, историческую или территориальную идентичность» [Йонгман, Шмид 2000: 179], и речь должна идти о разных формах и пределах реализации данного права. Однако в любом случае национальные меньшинства должны иметь гарантии того, что закон будет к ним беспристрастен, а их интересы в таких сферах, как сохранение языка, определение содержания школьных программ, распределение ресурсов, возможность получения работы и т.д., будут реализованы.

Литература

Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 323 с.

Ачкасов В.А. Понятие «народ» в политическом дискурсе элит // Власть и элиты. Т. 7, вып. 2 / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Интерсоция, 2020. С. 64–76.

Бьюкенен А. Сецессия: право на отделение, права человека и территориальная целостность государства. М.: Рудомино, 2001. 239 с.

Вуячич В. Национализм, миф и государство в России и Сербии: предпосылки распада СССР и Югославии. СПб.: Изд. Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. 430 с.

Горовиц Д.Л. Разрушенные основания права сецессии // Власть. 2013. № 11. С. 189–191.

Гошуляк В.В. Право народов на самоопределение и территориальная целостность государств в интерпретации Венецианской Комиссии // Наука. Общество. Государство. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-narodov-na-samoopredelenie-i-territorialnaya-tselostnost-gosudarstv-v-interpretatsii-venetsianskoj-komissii> (дата обращения: 15.09.2023).

Гуськова Е.Ю. Вооруженный конфликт и политическое урегулирование: кризис диалоговой модели на Балканах в 90-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 78–94.

Действующее международное право: сб. документов: в 2 т. / Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ; сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: Международные отношения, 2007. Т. 1. 766 с.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, принятая 24 октября 1970 года Резолюцией 2625 (XXV) на 25-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.09.2023).

Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 1/ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-setsessiya-kazus-otdeleniya-slovenii-i-horvatii-ot-yugoslavii> (дата обращения: 15.09.2023).

Кедури Э. Национализм. СПб.: Алетейя, 2010. 136 с.

Косово: еждународные аспекты кризиса: сборник / Московский Центр Карнеги; ред. Д. Тренин; Е. Степанова. М.: Гендальф, 1999. 236 с.

Кошкин А.П., Черданцев В.В. Право на самоопределение в политических коллизиях современности: Крым и Косово // Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 2. С. 273–280.

Куликова Н.В., Милованов В.С. Балканский кризис и Дейтонские соглашения // Правила игры. 1996. № 1. С. 97–106.

Нарочницкая Е.А. Многообразный сепаратизм: Проблема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 32–56.

Офффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // ПОЛИС. 1996. № 3. С. 86–93.

Ратленд П. Присутствие отсутствия: об этнической политике в России // ПОЛИС. 2011. № 1. С. 172–189.

Романенко С.А. Югославия: кризис, распад, война. Образование независимых государств. М.: МОНФ, 2000. 495 с.

Русских М.С. Территориально-демографический аспект национального строительства и этнополитического конфликта в Боснии и Герцеговине: ретроспективное моделирование и возникновение (1990–1992 гг.). 2023 (рукопись статьи).

Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 5. С. 3–32.

Хабриева Т.Я. Современные проблемы самоопределения этносов. М.: Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2010. 288 с.

Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергховского центра: пер. с англ. / ред. В. Тишков, М. Устинова. М.: Наука, 2007. 583 с.

Этнос и политика: хрестоматия / авт.-сост. А.А. Прусаускас. М.: УРАО, 2000. 400 с.

Як Б. Национализм и моральная философия сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 520 с.

Bhattacharyya H., Mukherjee J. Bodo ethnic self-rule and persistent violence in Assam: A failed case of multinational federalism in India // Regional & Federal Studies. 2018. Vol. 28, no. 4. P. 465–474.

Buchanan A. Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec. Boulder, CO: Westview Press, 1991. 174 p.

Buchanan A. Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law. New York: Oxford Univ. Press, 2004. 520 p.

Buchheit L.C. Secession: The legitimacy of self-determination. New Haven: Yale Univ. Press, 1978. 260 p.

Galtung J. The State/Nation Dialectic: Some Tentative Conclusions // Galtung J., Jacobsen C.G., Brand-Jacobsen K.F. Searching for Peace. The Road to Transcend. London; Sterling, Virginia, 2002. P. 124–136.

Haas R.N. World order 2.0. The case for sovereign obligation // Foreign Affairs 2011. URL: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2011\]/\[Oct2011\]/Res1832_rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp) (дата обращения: 10.09.2023).

Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkley: University of California Press, 1985. 697 p.

Jennings I.W. The Approach to Self-Government. New York: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Источники

Дмитрий Медведев выступил с заявлением в связи с признанием независимости Южной Осетии и Абхазии. 26 августа 2008 года. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/1223> (дата обращения: 23.09.2023).

Лимонов Э. Гангстеры // Известия. 2014. 27 января.

REALIZATION OF THE RIGHT TO NATIONAL SELF-DETERMINATION: WHO DECIDES?

V. Achkasov

(val-achkasov@yandex.ru)

Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia.

Citation: Achkasov V. Realizatsiya prava na natsional'noye samoopredeleniye: kto reshayet? [Realization of the right to national self-determination: who decides?]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2023, 10 (2): 5–23. (In Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.1>.

EDN AAZYSM

Abstract. *The article is devoted to the analysis of some problems associated with the practical implementation of the right of national minorities to political self-determination, namely: who determines which communities have the right to self-determination; what is the mechanism for making a decision on political self-determination; what role do ethnic elites — “ethnic entrepreneurs” — play in the processes of self-determination; what are the ways to resolve the contradiction between the right of peoples to self-determination and the principle of territorial integrity of states; what role do external political actors play in the recognition/non-recognition of the results of national self-determination, etc. As a result, the author comes to the conclusion that conflicts based on political self-determination, as a rule, lead to destabilization of the situation in many regions of the world, undermine the desire for democracy, and political institutions of self-determination, and even autonomy, can hinder the movement towards it. Therefore, we should talk, first of all, about the choice of forms and limits for the implementation of the*

right to self-determination. However, in any case, national minorities must receive guarantees that the law will be impartial to them, and that their interests in such areas as preserving the language, determining the content of school curricula, distributing resources, getting a job, etc. will be realized.

Keywords: the right to national self-determination, referendum, ethnic elites, territorial integrity of the state, “remedial secession”.

References

Achkasov V.A. *Ponyatiye «narod» v politicheskom diskurse elit* [The concept of “people” in the political discourse of elites. Power and elites]. Vol. 7, iss. 2. Ed. by A.V. Duki. St. Petersburg: Interasocio, 2020, pp. 64–76. (In Russian)

Assman A. *Dlinnaya ten' proshlogo: memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics]. Moscow: New Literary Review, 2014. 323 p. (In Russian)

Bhattacharyya H., Mukherjee J. [Bodo ethnic self-rule and persistent violence in Assam: A failed case of multinational federalism in India. *Regional & Federal Studies*, 2018, 28(4), pp. 465–474. (In Russian)

Buchanan A. *Justice, legitimacy and self-determination: Moral foundations for international law*. New York: Oxford Univ. Press, 2004. 520 p.

Buchanan A. *Secession: The morality of political divorce from Fort Sumter to Lithuania and Quebec*. Boulder, CO: Westview Press, 1991. 174 p.

Buchanan A. *Setsessiya: Pravo na otdeleniye, prava cheloveka i territorial'naya tselostnost' gosudarstva* [Secession: The right to secession, human rights and the territorial integrity of the state]. Moscow: Rudomino, 2001. 239 p. (In Russian)

Buchheit L.C. *Secession: The legitimacy of self-determination*. New Haven: Yale Univ. Press, 1978. 260 p.

Deystvuyushcheye mezhdunarodnoye pravo: sb. dokumentov [Current international law: Sat. documents]: in 2 vols. Moscow: State int. int. relations (university) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; comp. Yu.M. Kolosov, E.S. Krivchikova. Moscow: International relations, 2007. Vol. 1. 766 p. (In Russian)

Deklaratsiya o printsipakh mezhdunarodnykh prav, druzhestvennykh otnosheniy i sotrudnichestva mezhdunarodnykh gosudarstvami v sootvetstvii s Ustavom OON, prinyataya 24 oktyabrya 1970 goda Rezolyutsii 2625 (XXV) na 25-y sessii Generalnoi Assamblei OON [Declaration of Principles of International Law concerning Friendly Relations and Cooperation among States in accordance with the Charter of the United Nations, adopted on October 24, 1970 by Resolution 2625 (XXV) at the 25th session of the UN General Assembly]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (accessed: 10.09.2023). (In Russian)

Efremenko D.V. *Identichnost' i setsessiya: kazu otdeleniya Slovenii i Khorvatii ot Yugoslavii* [Identity and Secession: the Case of Separation of Slovenia and Croatia from Yugoslavia]. *Contours of global transformations: politics, economics, law*, 2021, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-i-setsessiya-kazu-otdeleniya-slovenii-i-horvatii-ot-yugoslavii> (accessed: 15.09.2023). (In Russian)

Etnos i politika: Khrestomatiya khrestomatiya [Ethnicity and politics. Reader]. Compiled by A.A. Prazauskas. Moscow: Publishing house URAO, 2000 400 p. (In Russian)

Etnopoliticheskiy konflikt: puti transformatsii: nastol'naya kniga Bergkhovskogo tsentra [Ethnopolitical conflict: paths of transformation: handbook of the Berghov Center]. Transl. from English; ed. V. Tishkov, M. Ustinova. Moscow: Nauka, 2007. 583 p. (In Russian)

Galtung J. The State/Nation Dialectic: Some Tentative Conclusions. In: Galtung J., Jacobsen C.G., Brand-Jacobsen K.F. *Searching for Peace. The Road to Transcend.* London: Sterling, Virginia, 2002, pp. 124–136.

Goshulyak V.V. *Pravo narodov na samoopredeleniye i territorial'nuyu tselostnost' gosudarstv v standarte Venetsianskoy komissii* [The right of peoples to self-determination and the territorial integrity of states in the interpretation of the Venice Commission]. [Science. Society. State], 2019, 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-narodov-na-samoopredelenie-i-territorialnaya-tselostnost-gosudarstv-v-interpretatsii-venetsianskoy-komissii> (accessed: 15.09.2023). (In Russian)

Guskova E.Yu. Vooruzhennyi konflikt i politicheskoye uregulirovaniye: krizis vokrug modeley na Balkanakh v 90-ye gody XX veka [Armed conflict and political settlement: the crisis of the dialogue model in the Balkans in the 90s of the 20th century]. *New and recent history*, 2016, 6, pp. 78–94. (In Russian)

Haas R.N. World order 2.0. The case for sovereign obligation. *Foreign Affairs*. 2011. Available at: [https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/\[russian_documents\]/\[2011\]/\[Oct2011\]/Res1832_rus.asp](https://www.coe.int/t/r/parliamentary_assembly/[russian_documents]/[2011]/[Oct2011]/Res1832_rus.asp) (accessed: 15.09.2023).

Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press, 1985. 697 p.

Horowitz D.L. Razrushennyye osnovaniya prava setsessii. [The destroyed foundations of the right of secession]. *Power*, 2013, 11, pp. 189–191. (In Russian)

Jennings I.W. *The Approach to Self-Government*. New York: Cambridge University Press, 1956. viii+204 p.

Kedourie E. *Natsionalizm* [Nationalism]. St. Petersburg: Aletheya, 2010. 136 p. (In Russian)

Khabrieva T.Ya. *Sovremennyye problemy samoopredeleniya etnosov* [Modern problems of self-determination of ethnic groups]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, 2010. 288 p. (In Russian)

Koshkin A.P., Cherdantsev V.V. Pravo na samoopredeleniye v finansovykh kolliziyakh sovremennosti: Krym i Kosovo [The right to self-determination in the political conflicts of our time: Crimea and Kosovo]. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, 2016, 2, pp. 273–280. (In Russian)

Kosovo: Mezhdunarodnyye vozhdunarodnyye aspekty krizisa: sbornik [Kosovo: International aspects of the crisis: collection]. Carnegie Moscow Center; ed. D. Trenin, E. Stepanova. Moscow: Gandalf, 1999. 236 p. (In Russian)

Kulikova N.V., Milovanov V.S. Balkanskiy krizis i Deytonskiye soglasheniya. [Balkan crisis and Dayton agreements]. *Rules of the game*, 1996, 1, pp. 97–106. (In Russian)

Narochnitskaya E.A. Mnogoobraznyy separatizm: problemy tipologii i yevropeyskoy real'nosti. [Diverse separatism: The problem of typology and European realities]. *Current problems of Europe*, 2015, 1, pp. 32–56. (In Russian)

Offe K. Etnopolitika v vostochnoyevropeyskom perekhodnom protsesse. [Ethnopolitics in the eastern European transition process]. *POLIS*, 1996, 3, pp. 86–93. (In Russian)

Romanenko S.A. *Yugoslaviya: krizis, raspad, vojna. Obrazovaniye gosudarstvennoye* [Yugoslavia: crisis, collapse, war. Formation of independent states]. Moscow: MONF, 2000. 495 p. (In Russian)

Russian M.S. *Territorial'no-demograficheskiy aspekt gosudarstvennogo stroitel'stva i etnopoliticheskiy konflikt v Bosnii i Gertsegovine: retrospektivnoye modelirovaniye i svyaz' (1990–1992 gg.)* [Territorial-demographic aspect of nation-building and ethno-political conflict in Bosnia and Herzegovina: retrospective modeling and emergence (1990–1992)]. 2023 (article manuscript). (In Russian)

Rutland P. Prisutstviye posledstviy: ob etnicheskoy politike v Rossii. [The presence of absence: about ethnic politics in Russia]. *POLIS*, 2011, 1, pp. 172–189. (In Russian)

Tomsinov V.A. «Krymskoye pravo», ili yuridicheskiye uchrezhdeniya dlya vossoyedineniya Kryma so stranoy. [“Crimean law”, or legal grounds for the reunification of Crimea with Russia]. *Bulletin of Moscow University. Ser. 11. Law*, 2014, 5, pp. 3–32. (In Russian)

Vuyachic V. *Natsionalizm, mif i gosudarstvo v Rossii i Serbii: Predposylki predposylki podderzhivayut SSSR i Yugoslaviyu* [Nationalism, myth and state in Russia and Serbia: Prerequisites for the collapse of the USSR and Yugoslavia]. St. Petersburg: Publishing house. European University in St. Petersburg, 2019. 430 p. (In Russian)

Yak B. *Natsionalizm i moral'naya filosofiya soobshchestva* [Nationalism and moral philosophy of community]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p. (In Russian)